

— Я недавно ужасно страдала, дядя запер меня в комнате и даже вставать с кровати не разрешал. — Каждый день девочка непременно припоминала это Кевину. — Но дедушка Иен страдает ещё больше: дядя сказал, что голова с шеей не до конца срослись, пока не выздоровеет, его тоже не выпускают, так что он до сих пор лежит.

Кевин: «...»

Благодаря такому обобщению он наконец понял: Освальд, когда беспокоится о ком-то, любит запереть того, пока опасность не минует. Воистину... до чего же безумный извращенец, даже стариков и детей не жалеет.

Нажаловавшись, Синия без церемоний вскарабкалась на кровать, скрестила короткие ножки, села напротив Кевина и сунула ему книгу:

— На, сегодня хочу послушать вот это.

Кевин осторожно взял книгу, с отвращением ощупал вековую пыль и с невесёлой улыбкой спросил:

— И из какой же могилы ты выкопала этот раритет, мелкая?

Синия хлопнула ладошкой по коленке:

— Рассказывай!

Кевин вынужденно пробормотал:

— Ладно, расскажу. Эх, вылитый дядюшка.

Однако, пролистав пару страниц, он задержал руку и долго вглядывался в одну страницу, после чего произнёс:

— Древние боги... с чего это маленькой девочке так нравятся истории про такую старину?

Синия хихикнула:

— Очень интересно!

— С самого начала? — Кевин бегло перелистал книгу, затем закрыл и отбросил в сторону. — Давай я тебе по памяти расскажу.

Синия посмотрела на него с восхищением. И этот прохвост Кевин действительно начал рассказывать наизусть — читал он без всякого выражения, даже хуже, чем по книге, монотонно, без единого повышения голоса, выпалил длинный отрывок так, что у Синии чуть носом не потекло.

— ...Прекрасная и святая богиня Тенис произнесла: «Да будет жизнь твоя ярка, как цветок, и крепка, как шип; дарю тебе имя Мело, что на языке богов означает «вечный свет»». — Кевин отнёсся к рассказу крайне небрежно, все прекрасные эпитеты в его устах звучали с насмешкой.

Однако Синия была непритязательна, она и такие истории слушала с интересом, и на этом месте даже перебила:

— А кто такой Мело? Раньше в других историях я о нём не слышала.

Кевин взглянул на неё, хмыкнул и ответил:

— Мело — это его прежнее имя, цветы и шипы были его первыми символами. А потом он вырос и по некоторым причинам похоронил имя вместе с прошлым, решив, что богу имя не нужно, и сменил символ на солнце и луну.

Синия наклонила голову:

— А как же его тогда называли?

Кевин ответил:

— Он придумал себе новое имя — Новый Бог.

Книга третья: Воин пустоши

В последние дни в пределы Королевства Золотого Льва хлынуло множество беженцев из других мест. В основном с северо-запада: выходцы из Страны Северного Нефрита, из Города Лейинь и Города Пейда составляли немалую долю, кроме того, были и безземельные, жившие на границах между государствами, а среди них немало прибывших из Сусе. Цель у всех была одна — получить святую воду.

Из трёх бурдюков со святой водой, принесённых из Гробницы Бога Фаэ, один Освальд вылил в реку Сусе, второй, вместе с другим снаряжением для укрощения насекомых, отдал расе гигантских звероловцев, чтобы Дан и его люди отвезли его домой, а третий оставил про запас.

— Как они сюда добрались? Донесения от Армии Красного Железа, охраняющей берега Реки Кла, даже не успели упомянуть о них, — хмуро спросил Освальд.

— Часть пробралась через Лес Призрачной Луны, остальные, говорят, обошли ещё дальше; они не знали, с какой целью там стоит Армия Красного Железа, и побоялись переходить Реку Кла, — ответил командир городской конной стражи Питер. — В Сент-Антисе охрана строгая, и до сюда добрались лишь немногие. Большая часть застряла в районе Цинье.

Освальд стоял на городской стене, откуда были видны ровные улицы Сент-Антиса; на рынках вновь начиналось оживление, на главных проспектах сновали люди, жизнь потихоньку возвращалась в привычное русло. Он разглядел, как на углах переулков, у подножия святилища на центральной площади сидели на корточках или просто сидели люди в лохмотьях, с усталыми лицами, с котомками за плечами — мужчины и женщины, старики и дети. Некоторые пришли целыми семьями, вокруг них жались дети.

— От Реки Кла в обход, кроме Леса Призрачной Луны, есть ещё Гора Орла, — сказал Освальд. — В Лесу Призрачной Луны полно хищников, а на Горе Орла есть действующий вулкан; любой из этих путей для обычного человека стоил бы полжизни.

Питер кивнул:

— Вот почему многие беженцы сильно окаменели, я видел даже стариков и детей, у которых всё тело затвердело, и их несли родственники. Хуже всего пришлось одной женщине: её муж ростом был даже выше меня, да к тому же накачанный, так что весил немало, и всё тело окаменело, кроме лица — лицо ещё двигалось. Она тащила его на себе через Лес Призрачной

Луны.

Питер разговорился, вспоминая, и сокрушённо покачивал головой — не узнать в нём того хмурого дозорного, что обычно патрулирует улицы. Освальд помолчал немного, а затем отдал приказ.

На следующий день на окраинах городов и селений поставили простые шатры для временного размещения беженцев и организовали пункты раздачи воды. Все, кто добрался, должны были пройти регистрацию, записать имя и откуда родом, а затем получить порцию воды в пункте. Так эти люди и остались здесь.

Весть о том, что в Королевстве Золотого Льва есть святая вода, быстро разнеслась, и вскоре стали прибывать беженцы из других стран. Перемещения людей стали так заметны, что невозможно было не обратить на них внимания. Правители двух крупных городов-государств — Города Лейинь и Города Пейда, а также окрестных мелких государств, отправили гонцов с известием и сами отправились в путь. Одна только Страна Северного Нефрита не могла позволить себе унизиться — старый Сапир, говорят, всё ещё лежал в постели: он был мнителен и не любил, чтобы больного кто-то подпускали близко, доверял только своим сыновьям, поэтому все его указания передавались через младшего сына Бота. Сапир не мог сам видеть, что творится снаружи, а Бот был наглым дураком, и от его приказов в Стране Северного Нефрита стало ещё больше беспорядка.

Сапир никак не мог понять, почему его подданные бегут в Королевство Золотого Льва, чтобы выжить; он считал это предательством и не мог терпеть. Разгневавшись, он издал указ о закрытии границ, приказав перекрыть все рубежи и запретить переход. Узнав об этом, Освальд приказал Армии Красного Железа на Реке Кла быть настороже — как бы Сапир в припадке безумия не вздумал напасть.

В то время как малые и большие государства пребывали в хаосе, у Кевина, запертого в своей спальне уже много дней, тоже возникли проблемы. В тот день, ближе к вечеру, снаружи не переставал лить дождь, время от времени гремел гром, и было беспокойно. Пока Освальд обсуждал дела в приёмной, у него всё время дёргалось левое веко — он чувствовал, что должно случиться что-то нехорошее. Закончив с делами, он поспешил во внутренний двор. И когда он шёл по галерее, из комнаты Кевина донёсся пронзительный крик Синии. Освальд вздрогнул и стремительно бросился туда.

В комнате девочка вцепилась в руку Кевина, заливаясь слезами, громко рыдая. Кевин, умевший управляться с озорными мальчишками, с такой мягкой девчужкой совершенно не знал, как быть. Он с растерянным видом гладил её пушистую голову и, не зная, смеяться или плакать, успокаивал:

— Ну, чего ты ревёшь? Перестань, а то у меня вся рука в соплях, не стыдно? Эй? У меня самого рука в крови, а я не плачу, а ты уже завываешь.

За эти несколько дней девочка очень привязалась к нему, по нежности уступая разве что своему хмурому дяде. От его неуклюжих утешений Синия не только не успокоилась, а зарыдала ещё громче. Рука, за которую она держалась, была покрыта кровавым месивом, всё что ниже локтя было невозможно рассмотреть: пальцы ободраны до костей, словно длинная куриная лапа. Боясь, что она ещё больше испугается, Кевин заслонил ей глаза ладонью. Девочка пыталась вырваться, чтобы подглядеть, и одновременно цеплялась за его руку, но боялась задеть рану; в суматохе она рыдала так горько, будто это у неё самой отвалилась рука.

<http://bllate.org/book/18285/1753225>